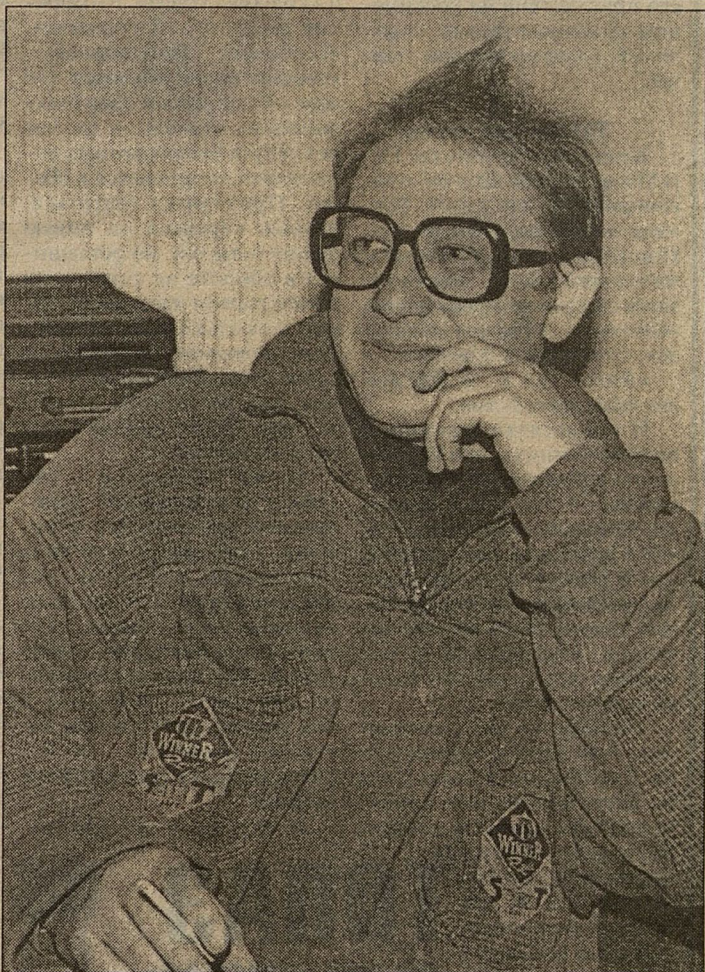

Марина Дмитриевская

-АЛЕКСАНДР, с чем связано словосочетание «дедушка уральского рока» и играет ли оно какую-то роль в твоей жизни?

— Ну, это не более чем рекламный трюк, выдуманный мною самим, хотя под этими словами есть некоторые основания. В статье «Кто есть кто в русском роке» было написано, что я человек, без которого не существовало бы феномена свердловского рока, — и это, конечно, смешно. Для меня рок-музыка не более чем эпизод, этап. И вообще я начинал как человек сугубо академический, консервативный. Вначале были Бах, Моцарт, Бетховен, которых я исправно исполнял в музыкальной школе, и даже стал лауреатом конкурса пианистов в 1972 году. И очень далеко я видал в тот момент рок-музыку со всеми ее выкрутасами! Но роком увлекались многие мои друзья, я начал погружаться в этот материал и постепенно выяснил, что в роке что-то есть и для меня. Закончил я физикотехнический факультет УПИ концертом с камерным оркестром. Но параллельно образовал музыкальную студию, где варилось варево из поэтов, художников, режиссеров, актеров, музыкантов. Если быть совсем точным, то получается: 1973–1974 годы — это школьный ансамбль «Слепой музыкант», 1975–1980-й — это музыкальная студия «Сонанс», а с 1980 по 1984-й — «Урфин Джюс». В его основе лежала современная фортепианная музыка — то, с чего я начинал. Петь ни я, ни гитарист Белкин не умели, так что назвать это вокалом было бы смешно: визг стоял страшный — вот и все. Илья Кормильцев, как и водится у начинающих поэтов, изображал стихи... В общем, «Урфин Джюс» стал популярен. Записали три альбома, концертничали и гастролировали с громадным успехом,

Композитора Александра Пантыкина знают как «дедушку уральского рока», с его именем связывают историю «Наутилуса» и «Агаты Кристи». Александра Пантыкина знают и как автора музыки к спектаклям Анатолия Праудина и Дмитрия Астрахана. Петербургские зрители «слышали» Пантыкина в «Мсье Жорже» и «Горе от ума» (Александринский театр), в спектаклях Театра Комиссаржевской и Театра комедии, в фильмах Владимира Хотиненко. Еще пять лет назад в екатеринбургском ТЮЗе я запомнила «звук» спектаклей Праудина «Алиса в Зазеркалье», «Иуда Искариот», «Человек рассеянный»...

Александр Пантыкин.

РОЗОВЫЙ ШУМ

Александр Пантыкин — «дедушка уральского рока»

Независимая газета, 1998, 14 февр. — с. 7

тем более понятно, откуда бралась эта энергия: трезвыми-то на сцену никогда не выходили! И вообще все это была игра: в жизни, в интервью — везде! Но ведь любая игра скоро надоедает. По крайней мере, мне это тогда порядком надоело, и путь алкогодика перестал привлекать... Я вывалился из рока в 1983–1984 годах в полуразрушенном состоянии. Я не ощущал перспективы, и то, что сейчас происходит с нашими группами, — я видел уже тогда с очевидностью.

— А слово «Наутилус» как с тобой связано?

— Я продюсировал, записывал их первый альбом. Не нужно преувеличивать мою роль. Слава Бутусов очень яркий человек. Даже и не музыкант (как музыканта я его почти не воспринимаю), даже и не вокалист (прямо скажем, не Карузо), даже и не рок-музыкант, а просто сам по себе интереснейшая личность. А в те времена, когда все это зарождалось, я работал практически со всеми музыкантами и группами: и с «Наутилусом», и с «Агатой Кристи». Я считал за неписанное правило для себя познакомиться, послушать... Это огромное поле идей, а идеи меня всегда интересовали. И до сих пор многие пребывают в заблуждении, что у нас существует феномен рок-музыки, а на самом деле на Западе она существует в общемузыкальном контексте, они там не рубят топором и не говорят, как у нас, о феноменах... А современная композиторская работа, как мне кажется, связана прежде всего со знанием технологий разных направлений: рока, джаза, академической музыки, электронной.

— А почему, окончив консерваторию, ты пришел именно в театр и кино?

— Главное качество композитора — не записать ноты, а услышать. И театральная и киномузыка возникла потому, что, когда режиссер начинает рассказывать мне свой замысел, я силюсь это услышать. И всегда всем говорю, что не могу начинать работу, не увидев макета. Нужно понять, как организовано пространство. Музыка в театре и в кино — это прежде всего звучащее пространство...

— То есть зрительный образ переходит в звучание?

— Ничего никогда не переходит. Просто нужно понять, как организовано пространство.

— А до макета ничего не звучит?

— Нет, уже начинаются созвучия, странные мелодические движения. Но когда я вижу макет Орлова или Шубина, они задают для меня главное. Музыка в театре и в кино — это прежде всего звучащее пространство. Даже формально: есть фронтальные колонки, есть колонки, висящие в зале, есть на сцене, есть в глубине, это само по себе диктует освоение пространства. В фильме на первом плане речь актера, чуть дальше — синхронные шумы, дальше — фоновые шумы (лес, зяблики...). Интересный факт, о котором все знают. У американцев не существует полной тишины. Даже когда в их фильме тишина, они включают так называемый «розовый шум», чтобы что-то звучало. Потому что полная тишина — это самая страшная музыка, которая может быть. Мы никогда ее не слышим. Полная тишина — это катастро-

фа... И вот когда я начал слышать музыку, я почувствовал себя театральным и киношным композитором. Что ценит во мне Праудин? Умение стилизовать. А что такое умение стилизовать? Это умение данную тему услышать в определенной манере, стиле.

— Чем уральский рок отличается от питерского?

— Принципиально! Питерский рок — это в основном рок-барды, у них более принципиальное отношение к тексту, чем к музыке. Они часто под гитару исполняют лучше, чем с рок-группами, вообще изо всех безобразий, которые творились у нас в этом направлении, единственно серьезный феномен «свердловского рока» (который тоже сам по себе — смех на палке). Но там были какие-то проблески.

— А сейчас как у вас с роком?

— Сейчас ситуация нормализовалась. Как и должно было быть, он занял свое скромное место.

— Саша, что ты сделал за последнее время?

— Я написал мюзикл «Двенадцать месяцев», музыкальный спектакль «Маленький принц», работаю над «Собором Парижской богородицы». С Астраханом закончен фильм «Из ада в ад». В «тутти» мы издали первое исполнение многих песен, которые стали классикой. Если не переиздать — записи просто исчезнут.

— Это теперь дает деньги?

— Ничего не дает... Но главное — со мной работают три человека, которые меня очень хорошо понимают. Приезжай, увидишь. ■